

АЛЕКСЕЙ
ЛЕВИНСОН

Несостоявшаяся Россия

За 25 лет нахождения Владимира Путина во главе страны «Левада-центр»¹ провел триста ежемесячных опросов, за которыми стоят почти полмиллиона индивидуальных интервью. Это огромный труд сотен интервьюеров, каждый месяц опрашивающих 1600 человек по всей стране, труд тех, кто суммировал и анализировал полученные ответы.

В каждом опросе мы спрашивали: «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность В. Путина на посту президента РФ?», а доля – в процентах – отвечавших «одобряю» в прессе получила название «рейтинг». Вопросы, подобные этому, специалисты «Левада-центра» задают с 1988 года. Они видели, как рос рейтинг Михаила Горбачева и как в свой час он начал неумолимо снижаться. Затем – как взлетел до тех же

1 АНО «Левада-центр» внесена Министерством юстиции Российской Федерации в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента. – *Примеч. ред.*

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
ЛИРИКА

высот рейтинг Бориса Ельцина, как он стал падать, как его удалось приподнять к выборам 1996-го и как он снова пошел вниз до самого конца его правления. Старый и уставший президент России уходил с рейтингом в 6%, а сменивший его президент молодой в первый же месяц 2000 года имел 84%. И поскольку вопрос об одобрении *деятельности* нового *президента* задавался людям в двадцатых числах января, когда они явно еще ничего не могли знать о ней, то, значит, дружно отвечая «одобряем», они выказывали поддержку чему-то другому.

С течением времени стало видно, что рейтинг Путина держится на высоком уровне и не реагирует на события внутренней жизни страны, в том числе те, которые, по мнению многих наблюдателей, должны были негативно влиять на репутацию президента, поскольку влияли подобным образом на рейтинги Горбачева и Ельцина. Так появились образы «тефлонового» президента и «феномена Путина». Мы не знаем, зачем Путин совершал такие эскапады, как полеты в небеса на дельтаплане или истребителе, зачем нырял в глубины или снимался, как иные лидеры прошлого, с обнаженным торсом. Но знаем точно, что информация об этом в СМИ на динамику рейтинга тоже никак не влияла. Это позволило дополнительно подтвердить гипотезу о том, что рейтинг измеряет отношение не к личности президента и не к президенту как личности. Из дополнительных расспросов становилось ясно, что рейтинг показывает не то, что предусматривает словесная формула вопроса, а то, насколько опрошенные одобряют в целом ситуацию в стране и со страной. Отвечая «одобряю», они

демонстрируют интервьюеру и себе лояльность имеющемуся порядку вещей, считая, что за него отвечает тот, кто стоит во главе страны.

Накапливаемый опыт наблюдений показывает, что отношение людей к Путину не такое, как к Горбачеву и Ельцину². И дело не в личных качествах этих президентов, но в том, что эпоха Путина – это период реакции общества на перемены и события: социальную деконструкцию и структурную дифференциацию, состоявшиеся во времена Горбачева–Ельцина. Например, развал СССР Путин назвал «величайшей геополитической катастрофой XX века»: мы перестали быть великой державой, то есть хозяевами «своей» части мира. Многих россиян это тоже заботило, как радуется сейчас и то, что при Путине статус великой державы, с их точки зрения, начал восстанавливаться.

Но для многих жителей СССР, переживавших перестройку и реформы как трагедию, это была катастрофа не столько геополитического, сколько социального свойства. Существовавшие на протяжении всей их жизни социальные формы и порядки враз сломались, распались общности, в которые входил и к которым привык человек – «родной завод», «родной колхоз», профсоюз и парторганизация, райсовет и райсобес. Обесценились статусы, рвались связи, из которых выстояли только первичные – семейные, дружеские, любовные, иногда соседские. Отношения по поводу дела, заработка, карьеры, перспектив надо было строить заново. Далеко не все смогли быстро понять, как это сделать.

Всем, однако, стало ясно, что теперь каждый должен делать все сам. Успехи и неудачи, свои и чужие, – это новая

2 Проводить сравнения с отношением людей к другим главам государства – в частности, к Сталину или Брежневу – мы не считаем возможным, поскольку опросы тогда не проводились и данных для сопоставления нет.

социальная реальность, новая дифференциация по массе признаков, среди которых доход и деньги лишь одни из многих. Барахтанье в новой реальности – очень успешное или трагическое для меньшинства и «всякое» для большинства – это пережитая обществом травма. Напомним: российское общество после потрясений 1914–1920 годов существовало без собственного «социального скелета», который создают общины и традиционные социальные институты. Его форму держали внешние по отношению к нему структуры государства. Это они треснули, ослабли, отвалились в горбачевско-ельцинскую эпоху.

В социальном хаосе конца 1980-х – начала 1990-х стали формироваться новые связи и структуры: прежде всего ранние формы предпринимательства – артели и кооперативы, – организации мафиозного типа – «группировки», а также различные клубы и общественные объединения. Энтузиазм участников этих процессов сочетался с их же собственным сомнением: это взаправду, так теперь и будет? Но дело шло, и разнообразие в обществе нарастало.

Субъектами этого процесса были люди, выросшие в совершенно других общественных условиях. Например, предприниматели, оказавшиеся в этой роли по случайности, по удаче или, наоборот, из-за развала предприятия, на котором они ранее работали, – это были капиталисты с усвоенными с детства антикапиталистическими взглядами. Они стыдились полученной прибыли, не верили в свалившееся на них богатство, иногда были исполнены гордости, но не за свое процветание, а за то, что их предприятия приносят пользу городу или соседям-горожанам.

Масса бизнесов возникала и тут же исчезала – люди на собственных и чу-

жих успехах и неудачах постепенно учились самостоятельности, тому, что человек может затевать собственное дело. Предприниматель, готовый брать инициативу и ответственность, мог стать ролевой моделью, образцом человека, который сам себе хозяин. И если бы стал, то в течение исторически краткого времени россиянин стал бы другим.

Но в этот процесс вмешались два субъекта с совершенно другими ценностными основаниями: крупный бизнес и то, что Вадим Радаев назвал «силовым предпринимательством». Они вмешались и заняли место регуляторных институтов, которые должны были самостоятельно вырасти из новой социальной среды, но складывались медленнее, чем практики, которые им надлежало контролировать. (Отчасти в связи с этим в те времена часто – и с осуждением – звучало слово «вседозволенность», констатирувавшее незрелость складывающихся норм: практики взаимодействия уже сложились, а общественные инстанции, которые могли бы осуществлять социальный контроль, санкционировать за их нарушение, – еще нет.)

Ленин в начале XX века писал, что российский капитализм быстро вошел в стадию империализма. В каком-то смысле та же черта была ему свойственна и на излете этого столетия, и в начале следующего: в том смысле, что он поглощает, выдавливая с рынка все бизнесы (прежде всего средние и малые), оказавшиеся в сфере его досягаемости. Именно это делали силовые предприниматели, появившиеся на российской сцене в период «первоначального накопления» – в собственных интересах или в помощь крупному бизнесу. Эти две силы позаботились о том, чтобы возникавшая тогда система государст-

венных институтов не мешала им действовать так, как им было угодно. В считанные годы они не просто подчинили возникшую поросль малого и среднего предпринимательства, но уничтожили ценностную и социальную основу для него: личная предприимчивость и готовность опираться на собственные силы, явившись на время как социальный идеал, в очередной раз были оттеснены и признаны «не нашими».

В результате главной референтной инстанцией снова стала предельно большая структура: государство – наш экзоскелет, наша «держава», которую вновь «сделал великой», по мнению россиян, Владимир Путин. Травма адаптации к новой реальной привела к тому, что до двух третей российского общества более всего хотела, чтобы власть вновь оградила ее от беспокойств «большого мира», и потому с первого дня пребывания Путина на посту президента на указанный в начале вопрос «Вы в целом одобряете...», не дослушав, отвечала

«Одобряю!». Одобряла, когда обсуждалось сближение с Западом и чуть ли не вступление в НАТО. Одобряла и позже, когда Путин произнес пророческую, как выяснилось, «мюнхенскую речь», а потом его «ультиматум 2021 года». Одобряла начало и продолжение СВО. Этим людям проще думать, что Путин всегда прав – потому за 25 лет его рейтинг лишь дважды был на уровне 59%, а во всех остальных случаях 60% и выше.

Конечно, это не одни и те же люди из этих 60% – в начале путинского правления и сейчас. Но у всех них не изжита травма несостоявшейся социальной перестройки, абортированного будущего. Навсегда ли эта травма? Нет. Ее вот-вот вытеснит СВО в сочетании с военной реиндустриализацией и социальными благами для тысяч семей, из которых ушли мужчины. Пока в происходящем коллективная травма не проявилась – только травмы индивидуальные, – но она себя еще покажет. Увидим, как поведет себя рейтинг. Пока что он на уровне 87%.